

— Я выхожу замуж! — наконец вырвалось у неё, и она с отчаянием подняла голову. — Пришло время исполнить моё семейное обязательство — это моя ответственность, я не могу отказаться — но я хочу увидеть мир!

Она громко заявила:

— Я хочу увидеть, действительно ли реки Вены такие чистые, узнать, какого цвета небо в Лондоне, пойти далеко, увидеть леса и озёра, увидеть всё, что я никогда не видела!

Слёзы навернулись на глаза, и она опустила голову, шепча с обидой:

— Но я хочу увидеть мир...

Неизвестно, сколько времени прошло, но в её поле зрения появилась рука с шёлковым платком. Она резко подняла голову, и одна слеза, преодолевая гравитацию, упала на его руку.

Он по-прежнему спокойно сказал:

— Тогда пойдём со мной.

Ей показалось, что всё, что она видела, было похоже на долгую пасмурную погоду, наконец разорванную солнечным светом.

*

Девушка была успешно соблазнена.

Что касается семьи Сапфир, он сразу же отправил людей к ним, пообещав вернуть эту своенравную девушку в установленное время.

По её желанию, он повёз её в Вену. Переодевшись в торжественные наряды, они провели вечер в его личной ложе, слушая оперу. Затем они отправились в Лондон, прогуливались под зонтиком по улицам, окутанным дождём и туманом, и посетили матч на стадионе «Эмирейтс», полный азарта.

Он повёз её в Чёрный лес в Германии, где они по-настоящему охотились с ружьями и мечами. В Каннах они посмотрели показ мод, затем отправились на шопинг на Елисейские поля в Париже, ловили рыбу на Женевском озере, катались на лодке в Брюгге, ели жареного верблюда в Стамбуле, участвовали в карнавале на Эгейском море...

Она, словно птица, вырвавшаяся из клетки, пела от души, словно открывая для себя новый мир. Но чем больше она видела, тем меньше понимала его. Казалось, он всегда был окружён туманом, и сколько бы она ни пыталась разгадать его, завеса никогда не спадала. Но каждый раз, когда она что-то замечала, она радовалась, как ребёнок.

Его душа, казалось, от природы была лишена тепла, и в нём никогда не было никакого энтузиазма. Он слушал спокойную музыку, смотрел азартные матчи, мог долго стоять на поле, покрытом цветами, или мчаться на коне в дикой охоте... Это был настолько противоречивый человек.

Но даже в самых трогательных сценах самых драматических спектаклей он оставался спокойным и рассудительным. В захватывающих матчах, где она не могла сдержать криков, его взгляд оставался таким же спокойным и мягким. Часто, оглядываясь, она видела, как он

спокойно смотрит в какой-то угол, и даже в его холодности она чувствовала нечто, что было трудно понять обычному человеку.

Она думала, что его сердце, спрятанное за твёрдой грудью, должно быть мягким и хрупким. Она пыталась понять его, разобраться в нём, старалась приблизиться к его сердцу. Она не могла не влечься к этому молодому человеку.

Но у неё не было времени.

Когда путешествие подошло к концу, они вернулись во Флоренцию.

Подняв взгляд на встречающих её людей, она долго колебалась, но в итоге могла лишь попрощаться с ним. Она была полна сожаления, но на её лице уже не было той юношеской открытости и живости, и она снова стала сдержанной и благородной леди.

Они оба знали... что время для их своеволия и свободы истекло.

Он остался на месте, наблюдая, как она уходит. Она уже повернулась, чтобы уйти, но в конце концов не смогла удержаться и остановилась, обернувшись:

— Вы уезжаете прямо сейчас?

— Нет, мне нужно кое-что сделать, — Говоря это, его глаза, казалось, засветились лёгкой улыбкой, и он медленно произнёс, намекая:

— Из-за неожиданных изменений в планах, я, кажется, уже давно пропустил это.

Она замерла, сразу поняв, что это изменение — она сама, и, смутившись, быстро извинилась и убежала.

*

Сирил отправился в жилище мастера Зимана, чтобы забрать картину.

Флоренция всегда была родиной великих мастеров искусства. Как колыбель европейского Возрождения и всемирно известный культурный центр, этот город славился своей культурой даже больше, чем своими цветами.

Год назад он случайно встретил мастера Зимана, и их разговор нашёл отклик в обоих. Мастер сам предложил написать для него картину, и он, конечно, не мог отказаться. Но, к его удивлению, на картине был изображён не человек, а болото.

Болото, густое и жёлтое, было очень мрачным и мутным по цвету, даже небо было с оттенками серого и чёрного, и вся картина создавала ощущение тяжёлого давления. Когда он уже начал удивляться, зачем мастер написал это, его взгляд упал на угол болота, где рос маленький, едва заметный белый цветок. Казалось, это был просто случайный мазок кисти мастера, или пустое пятно на болоте, но это была единственная чистая и тонкая вещь в этом грязном и мутном мире.

Такой маленький белый цветок мог коснуться самого мягкого и чувствительного уголка сердца, как лёгкий ветерок, пробегающий по поверхности воды, оставляя после себя рябь, которая не исчезала с течением времени.

— Этот уважаемый старец, кажется, с первого взгляда понял его душу.

Сирил спокойно смотрел на картину, чувствуя, как глаза наполняются тёплой влагой.

Воспоминания о последних днях пронеслись перед ним, как калейдоскоп, и он наконец понял одну вещь.

Он наконец понял, почему прежний Сирил, увидев ту женщину впервые, влюбился в неё на всю жизнь — даже если это была лишь безответная любовь. Потому что даже он сам не мог сдержаться.

Возможно, он слишком старался, и в длительном самовнушении у него возникло какое-то заблуждение, или он просто позволил себе погрузиться в это, и поэтому появилось это чувство, от которого трудно избавиться. В этой тихой охоте он ошибся лишь в одном — он недооценил Клорис. Она была такой, как свет, способным проникнуть в сердце и оставить незаживающую рану, так легко заразить человека, но так трудно забыть.

За это короткое время они побывали в стольких местах, и, возможно, этого опыта хватит на всю жизнь, поэтому всё остальное уже не имело смысла говорить.

В тот вечер он снова стоял на площади, в холодном и пустынном месте, где летали голуби, и мраморные скульптуры молча стояли на страже. Туристы постепенно расходились, а он стоял, спокойно глядя в небо.

Даже он сам не мог понять, зачем он всё ещё здесь.

Когда последний луч заката исчез с лица скульптуры, он повернулся, чтобы уйти. И тут увидел фигуру.

В углу площади стояла знакомая ему женщина. На ней было платье небесно-голубого цвета, с пышной юбкой, украшенной изысканными кружевами, и белая шёлковая накидка, покрывающая руки, с длинными кистями, свисающими вниз, и волосы, развеваемые ветром. Она сидела на корточках, закрыв лицо руками, и плакала беззвучно, как ребёнок.

Сердце словно сжалось, и, прежде чем он осознал это, его ноги уже несли его к ней.

Не успел он подойти, как она заметила его, быстро встала и отвернулась, стараясь вытереть слёзы. Но чем больше она старалась, тем хуже получалось. В конце концов она снова опустилась на корточки, спрятав лицо в руках.

Он остановился перед ней, смотря на макушку её головы, и, видя, что она не собирается вставать, позвал:

— Клорис.

Она покачала головой, бормоча:

— Уходите! Я скоро вернусь домой!

Он посмотрел на неё и снова тихо позвал:

— Клорис.

— Я сейчас ужасно выгляжу, не смотрите на меня.

Помолчав, он тоже опустился на корточки. Его длинные и сильные пальцы обхватили её

голову, мягко подняли её, и он достал платок из кармана, чтобы вытереть ей лицо.

Она плакала так сильно, что глаза покраснели, но зелёные глаза, промытые слезами, стали ещё ярче.

Она всё ещё всхлипывала, тихо извиняясь:

— Простите... я снова сбежала, не знаю куда, наверное, просто... хотела увидеть вас, увидеть вас ещё раз...

<http://bllate.org/book/17714/1655115>